

ПЕТРОВ А.В.

г. Архангельск, Россия

avpetrov@atknet.ru

81'42:821.161.1

DOI 10.26170/ufv20-02-26

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРАВНЕНИЯ В НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ФЕДОРА АБРАМОВА «ПЕЛАГЕЯ»)

Аннотация. В статье анализируется лингвокреативный потенциал сравнения как выразительного средства народной речи в преломлении писательского таланта Федора Абрамова. Рассматриваются функции сравнительных конструкций, степень смысловой удаленности агентов и референтов сравнения в тексте повести «Пелагея».

Ключевые слова: сравнение, лингвокреативное мышление, народная речь, сравнительный смысл, агенты и референты сравнения.

PETROV ANDREY

Arkhangelsk, Russia

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF SIMILE IN COLLOQUIAL SPEECH (BASED ON FEODOR ABRAMOV'S NOVEL *PELAGEA*)

Abstract. The article analyzes the linguocreative potential of the simile as a means of expression in colloquial speech, as seen thru the prism of Feodor Abramov's literary talent. The functions of constructions with similes, the degree of semantic remoteness of simile agents and referents in *Pelagea* are considered.

Keywords: simile, linguocreative thinking, colloquial speech, simile semantics, simile agents and referents.

«В краю родникового слова» – назвал выдающийся русский писатель Фёдор Александрович Абрамов (1920 – 1983) один из своих очерков, в котором без ложного пафоса заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [Абрамов 1986: 31].

Действительно, Русский Север остаётся источником для изучения подлинно народного словотворчества, живого народного слова. Уроженцы северного края, и среди них один из самых талантливых Фёдор Абрамов, внесли значительный вклад в современную русскую литературу, видимо, благодаря тому, что с молоком матери впитали животворное северное слово (Подробнее о языковом мастерстве Ф.А. Абрамова см. в нашей работе [Петров 2020]).

Принято считать, что образность, изобразительность, выразительность – это прерогатива художественной речи, поэтического творчества, однако разве лишена этих черт народная речь, разве нельзя в обыденном разговоре услышать меткое словечко, необычное сравнение, яркую метафору или гиперболу? У Ф. Абрамова читаем: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем. <...> А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» [Абрамов 1986: 31].

Сам писатель, подлинный певец северной деревни, северного духа, основным источником своего художественного творчества считал образность народной северной речи: «Язык современной деревни – яркий, сочный, забористый и задиристый. <...> Когда я приезжаю в деревню, я буквально омываюсь в живых родниках речи» [Абрамов 1986: 449-451]. Действительно, бытовая разговорная речь может рассматриваться как особая форма народного искусства, в которой реализуется эстетическое восприятие действительности, свойственное народному сознанию, – отмечалось ещё в начале XX века [Чарушин 1914, с. 10].

Образность – это способность речевых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях опосредованно, через отношения подобия другим предметам и явлениям, поэтому наиболее показательным образным средством является сравнение.

Сравнение как выразительное средство, безусловно, можно отнести к формам лингвокреативного мышления, «которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность

говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 7-8]. П.А. Лекант утверждает: «Сравнение – это одно из ярчайших и самых продуктивных образных средств русской поэтической речи» [Лекант 2007: 206]. В результате операции сравнения проявляется сходство как «сравнительный смысл, находящийся выражение в сравнительной конструкции» [Девятова 2011: 8].

Особенности народных изобразительно-выразительных средств в преломлении писательского таланта Фёдора Абрамова рассматриваются на примере повести «Пелагея». Важно, что в ней отчётливо слышна прямая речь персонажей, поскольку повествование здесь ведётся фактически от лица героев (цепь внутренних монологов, несобственно прямая речь), события показываются их глазами, характеризуются и оцениваются их словами и мыслями, а автор становится как бы транслятором народной речи, народного мировоззрения, народного лингвокреативного мышления.

Посмотрим, что и с чем сравнивают герои Абрамова, в какой степени смысловой удалённости друг от друга находятся субъекты и объекты сравнения – референты и агенты.

Сравнение как характеристика лиц, оценка их поведения. В этой функции прежде всего используются зооморфные сравнения, причём в качестве агентов выступают хорошо известные народу наименования животных, чьи внешний вид, поведение, повадки легко переносятся для выражения отношения к референту сравнения. Прежде всего, обращается внимание на внешнее сходство: *Нашла красавицу. Ни рожки ни кожи... Как уклея сухая...* (с. 98)⁸ – Маня-маленькая пренебрежительно характеризует Антонину (*уклея* – мелкая, невзрачная рыбёшка); такой сравнительный смысл обусловлен особой нелюбовью говорящей к субъекту сравнения, а также желанием позлословить.

⁸ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Абрамов Ф.А. Повести и рассказы.* – Архангельск, 1985. – 368 с.

В народном сознании закреплены представления о некоторых животных, символизирующих различные качества характера человека. Так, кротость ассоциируется с поведением овцы (*не будь овцой* ‘не будь бессловесным, чересчур покорным’ [Ожегов 1991: 440]): *Сразу, как овечушка, отдался ей в руки* (с. 83) – Пелагея вспоминает о своём замужестве, о робком по натуре муже Павле, однако сравнительный смысл не имеет отрицательной коннотации, в данном случае показателен суффикс субъективной оценки –*ушк*. Отшельничество, одиночество соотносится с повадками улитки: *А без пекарни какая жизнь? Залезай, как улитка, в свою скорлупу на задворках да там и захорони себя заживо* (с. 76) – вынужденный из-за болезни мужа отказ от работы на пекарне Пелагея воспринимает как крах всей своей жизни, отсюда отрицательный сравнительный смысл конструкции, обусловленный креативным сравнением.

Интересно наблюдать перенос признака, характеризующего животного, на признак человека, при этом совмещаются прямое и переносное значения: *тёмный* ‘по цвету близкий к чёрному, не светлый’, ‘невежественный, отсталый’ [Ожегов 1991: 791]: *Отец малограмотный, я, Василий Игнатьевич, как тетёра тёмная...* (с. 62) – говорит Пелагея, пытаясь принизить себя в беседе с влиятельным человеком, который в свою очередь не соглашается с таким унижением собеседницы: – *Ну, ты-то не тетёра* (с. 62).

К зооморфизмам необходимо отнести и сравнения действий человека с действиями животных, например, истовое проявление материнской заботы: *И она, несмотря на всю свою слабость, как зверь, кинулась на защиту родного детища* (с. 107). И далее следует довольно дерзкое заявление героини, подтверждающее её смелость и решимость, сопоставимую с инстинктивным поведением зверя, сравнительный смысл конструкции – спонтанность действия героини и высокая степень насыщенности его проявления.

Функциональное общезыковое сравнение человека с рабочим животным, указывающее на интенсивность его труда, креативно усиливается сравнением с машиной: *Безотказно, как ло-*

шадь, как машина, работал Павел в колхозе (с. 86). Необходимо отметить обыгрывание разных значений слова *безотказный* ‘происходящий без перебоев, без отказа’ и ‘никогда не отказывающийся от поручения, просьбы’ [Ожегов 1991: 47].

Близко к зооморфным сравнениям сравнение человека с мифологическим существом, подчёркивающее стихийность, необузданность действий персонажа: *Афонька, когда переберёт, места себе не может найти. Всю ночь, как нечистая сила, разъезжает на мотоцикле. Из улицы в улицу, из заулка в заулочек* (с. 92) – налицо отрицательная коннотация сравнительной конструкции.

Сравнение как характеристика признака: внешний вид человека: – *Ты как золотой волной накрывшись... Искры от тебя летят...* (с. 68) – Олёша-рабочком, испытывая страсть к Пелагее, при описании её волос стремится к «красивости» речи, тем самым, как может, проявляет свой лингвокреативный потенциал.

Описание внешнего вида через сравнение передаёт внутреннее состояние героини – Пелагея после долгого перерыва собралась навестить свою пекарню: *Чистая, благостная – вечером накануне специально сходила в баню, будто к богомолью готовилась. Из дому вышла с батожком – тоже как богомолка. И люди попадались ей навстречу какие-то благостные, просветлённые* (с. 104). В основу сравнения положены неожиданные для советской литературы положительные ассоциации, связанные с возвышенным восприятием веры в Бога и религиозных обрядов.

Сравнение как характеристика состояния окружающей среды. Так, восход солнца вызывает в сознании героини восторженные ассоциации, связанные с детским восприятием действительности: *Всё засверкало, заиграло вокруг, потом, как в волшебной сказке, всё стало алым: и лица, и крыша, и белые занавески в окнах* (с. 75). Большое количество ягод экспрессивно сравнивается с бытовыми привычными предметами: *И ох же на какую ягоду она напала! Крупную, сочную, нетронутую – сплошными зарослями, как одеяла красные по ручью развешаны* (с. 84). Деревенские постройки неожиданно ассоциируются

со строем солдат: *Раньше, до войны, дома в деревне стояли **что солдаты в строю** – плотно, почти впритык друг к другу, по одной линии (с. 74).*

Физическое состояние человека (в частности, болезнь Пелагеи) передаётся через сравнение с привычными проявлениями сельского быта: *А она лежала, и дыхание у неё было тяжёлое, взахлёб, с присвистом. **Точь-в-точь как у старых дырявых мехов** в кузнице (с. 106); *Да нет, не ускочишь. **Как на привязи сидишь** у болезни (с. 95).* В этой функции используются и типичные узуальные сравнения, характеризующие болезнь, усталость: *Лежу как убитая. Еле ноги из заречья приволокла (с. 52); *Гостья пришла, а я лежу как бревно (с. 94).***

Креативная характеристика эмоционального состояния человека посредством сравнений: *Сомнение, как мутная вода, всё делает нечистым и неясным (с. 70) – ср. мутный ‘о жидкости: непрозрачный, нечистый (от засорения, смешения с чем-нибудь)’, ‘о сознании: помрачённый, смутный’ [Ожегов 1991: 368]; *И сколько ни кричи – не докричишься. **Как в глухом лесу** (с. 102) – отчаяние Пелагеи от неизвестности о судьбе дочери; *Значит, об Альке вести, догадалась Пелагея, и так ей вдруг легко стало, будто лето спустилось в избу (с. 94).* И опять обращает на себя внимание приближённость агентов сравнения к повседневной крестьянской жизни.**

Сравнение как характеристика действия. Свойства растений переносятся на действия человека: *Молодой, красивый, рослый. Идёт – выгибается, как лоза (с. 73) – Пелагея восхищённо о Владике; *И добро бы только парень Альку лапал, а то ведь нет. То ведь Алька, как травина, оплела парня (с. 71); *...как кочан капустный, выкатилась из неё (с. 70) – о том, что Алька родилась здоровой; *Павел только увидел дорогую сестрицу, закачался, как подрубленное дерево (с. 67).* Отметим также яркое индивидуальное сравнение, характеризующее действие: *Сонную, румяную реку раздвигала осиновою долбленкой, как утюгом (с. 48).****

В этой функции выступают и сравнения, построенные на основе узуального фразеологизма *как обухом по голове* ‘о поразившей неприятной неожиданности’ [Ожегов 1991: 437]: *Попер-*

востии районный доктор, **как обухом, оглушил**: «Паралич. Не видать тебе больше мужа на своих ногах...» (с. 76); Потом, подумав, что до Мани такое не дойдёт, **хватила как обухом по голове**: – А может, богатством Христовым пришла похвататься? (с. 93); интересно проследить творческое преобразование в речи этого фразеологизма: **И вдруг хватил её дубиной по голове**: – Имею сведенье: не живёт она с этим военным... Одна живёт... (с. 107). Здесь показательны глаголы, вводящие фразеологизм: **оглушить, хватить**, перекликающиеся с буквальным смыслом устойчивого выражения.

Среди системы сравнительных средств языка выделяется творительный сравнения, выразительность которого «объясняется как удобством самой формы – нет резкой границы между субъектом и объектом сравнения, так и заложенным в ней образом» [Девятова 2008: 48].

Сравнение с природными объектами: типичное сравнение речи человека с текущей водой: **А я хочу к оконышку поближе, к свету, чтобы ручьём в оба уха умные речи текли** (с. 60); о физическом состоянии: **Умер молодым Павел, она, Пелагея, может, при смерти лежит, а этой ничего не дается – всё рожжа заревом** (с. 106) – Пелагея высказывает негативное отношение к нелюбимой невестке Анисье, которая «со всей семьи здоровье собрала».

Сравнение с животными: характеристика предметов: **На Пелагею доброта нахлынула: не подумавши выхватила из платя жакет – красиво, росомахой взыграл чёрный плюш на белом снегу** (с. 100) – мех хищного зверя отличается особой ценностью и красотой; характеристика человека: **...петухом вскинул голову Сережа** (с. 103) – дальнейший контекст раскрывает смысл сравнения: **А чего же петушиться?** (с. 103) – *петушиться* ‘вести себя задиристо, запальчиво’ [Ожегов 1991: 514].

Сравнение с предметами быта: **А тут от порога шагнул, так и обнесло – кулём шмякнулся на прилавок к печи** (с. 106) – негативный сравнительный смысл обусловлен снисходительным отношением героини к опустившемуся, пьяненькому Петру Ивановичу.

С точки зрения лингвокреативности интерес представляют неспециализированные сравнительные конструкции.

Экспрессивные сравнения на основе бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями: *А уж погоны на плечах горят – за десять шагов жарко* (с. 73) – Пелагея о Владике; *Посмотри, посмотри на свою дочь! Я посмотрела – глазам легче стало. Вот какая она у тебя красавица!* (с. 72) – сватья об Альке; *Не тронь моё костьё. Упаду – не собрать* (с. 63) – Пелагея о себе; *Пристала, обвила руками шею – лёд крещенский растает* (с. 56) – Анисья об Альке; *Припрёт нужда да голод – с самим дьяволом переспишь* (с. 90) – Пелагея о своем грехопадении.

Сравнение через противопоставление: *...Пётр Иванович не колокол, а пустая бочка* (с. 82); *Глазами не посмотрел – прошагал по столу* (с. 65) – об Афоньке; *Золото – не косу ты носила* (с. 63) – Василий Игнатьевич о Пелагее; *На солнце и на то затемненье находит, а наш брат – баба глупая* (с. 95) – Пелагея о себе.

Ярким выразительным средством, эффективно используемым Фёдором Абрамовым, позволяющим ему подчеркнуть важные смыслы, дать яркую характеристику персонажам, сформировать образную систему произведений, являются сравнения, заимствованные писателем из народной речи или стилизованные под народную речь, обладающие немалым лингвокреативным потенциалом. В качестве референтов сравнения в основном используются привычные и понятные предметы и явления крестьянской жизни.

Литература

Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся: Очерки; Статьи; Воспоминания; Литературные портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления. – Л., 1986.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Девятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте // Русский язык в школе. 2008. № 10. – С. 47-52.

Девятова Н.М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 2. – С. 7-13.

Лекант П.А. Об одной форме сравнения в поэтической речи // Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 206-208.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1991.

Петров А.В. Родниковое слово Федора Абрамова. – Архангельск, 2020.

Чарушин А.А. Народный язык // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 16. – С. 493-502.

REFERENCES

Abramov F.A. Chem zhivyom-kormimsya: Ocherki; Stat'i; Vospominaniya; Literaturnye portrety; Zametki; Razmyshleniya; Besedy; Interv'yu; Vystupleniya. L., 1986.

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste. Ekaterinburg, 2008.

Devyatova N.M. Tvoritel'nyj sravneniya: znachenie i funkcii v tekste // Russkij yazyk v shkole. 2008. № 10. S. 47-52.

Devyatova N.M. Skhodstvo kak sravnitel'nyj smysl i ego yazykovye reprezentacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2011. № 2. S. 7-13.

Lekant P.A. Ob odnoj forme sravneniya v poeticheskoy rechi // Lekant P.A. Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya. M., 2007. S. 206-208.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1991.

Petrov A.V. Rodnikovoe slovo Fedora Abramova. Arhan-gel'sk, 2020.

Charushin A.A. Narodnyj yazyk // Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa. 1914. № 16. C. 493-502.

©Петров А.В., 2020

Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Адрес: 163060, Россия, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56, 410.

E-mail: avpetrov@atknet.ru

Petrov Andrej Vasil'evich – Doctor of Philology, Docent of the Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).